

Ольга Погодина-Кузмина Герой

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18085303

*Погодина-Кузмина, Ольга Леонидовна. Герой : роман: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-095989-1*

Аннотация

В основу настоящей книги, написанной на уникальном историческом материале, лег сценарий фильма «Герой» – долгожданной премьеры десятилетия!

Начало XX века. Юная княжна Вера Чернышева и поручик Андрей Долматов знакомятся при весьма странных обстоятельствах. Симпатия, любовь... впереди, казалось, счастливая жизнь. И вдруг – катастрофа. Первая мировая война уводит его на фронт, а ее медсестрой в госпиталь. Мир перевернулся, он охвачен ненавистью, злобой, жадой власти. Одна война сменяет другую. Люди делятся на два враждующих лагеря, начинают судить друг друга, чинить жестокую расправу. Огонь времени губит всё на своем пути, но любовь – бессмертна, она соединяет несколько поколений и напоминает о себе спустя сто лет.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ольга Погодина-Кузмина

Герой

Автор благодарит за помощь в работе над книгой Юрия Васильева, Наталию Дорошкевич, Эльмиру Айнулову и всех участников кинопроекта

Дети Франции, когда враги будут побеждены и когда вы сможете свободно собирать цветы на этом поле, вспомните нас, ваших русских друзей, и принесите нам цветы.

Надпись на военном кладбище в Сент-Илер-ле-Гран

© Погодина-Кузмина О.Л., 2016

© ООО «Продюсерский центр «Синема Продакшн», 2016

© ООО «Медиа Арт Студио», 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

Затмение

Свет хлынул с неба белым потоком. Лedyистые иглы обожгли лицо – что это, откуда? Едва различимые в снежной мгле явились тени. Лошади, повозки. Люди в шинелях. Измученные серые лица, сжатые губы. Безмолвное шествие двигалось сквозь ледяной мертвый ветер. Сон или бред? Куда и зачем они движутся между землей и небом, среди снежного ада?

Андрей зажмурился, смаргивая слезы, передал кому-то из механиков стеклянный фильтр, через который смотрел на солнце. Мир вернулся к привычным очертаниям – ворота гаражного бокса, через сто метров бензиновая заправка. Круг старой крыши, которая летом станет цветочной клумбой. По шоссе неслись машины, дальше тянулся квартал новостроек, работал подъемный кран. Теплый на редкость март, весна.

Но раскаленный диск солнца с черным краем, надкушенным луной, все дрожал перед глазами, и к сердцу подкатывал холод. Люди, лошади, снежная пурга. Куда и зачем они шли? Андрей словно по ошибке попал в чужую жизнь. Раньше с ним не случалось ничего подобного.

После ледяного света сумрак гаража казался особенно густым, и голос, прозвучавший из темноты, заставил его вздрогнуть.

– Любопытное явление природы. Говорят, солнечные затмения предшествуют историческим поворотам. Но я, признаться, не верю. А вы?

Голос принадлежал плотному, высокому и осанистому человеку лет пятидесяти, одетому в спортивные брюки и куртку дорогой марки. Его бритая голова поблескивала в полумраке, как бильярдный шар слоновой кости. Во взгляде читалось спокойное любопытство.

Андрей включил свет. Незнакомец протянул ладонь.

– Мишель Теренс.

– Андрей Куликов.

Крупная, мягкая и влажная рука незнакомца стиснула ладонь Андрея. Солнце с откушенным краем мигнуло перед глазами и наконец исчезло.

– Я к вам с деловым предложением, – пояснил неожиданный гость. – Но для начала о себе. Я – меценат, предприниматель, коллекционер. Так сказать, гражданин мира. Родился в Аргентине, учился в Англии, живу во Франции. Но у меня русские корни и большой интерес к российской истории. Люблю старинные автомобили. Как и вы.

Он еще раз обвел взглядом гараж, кивнул на горбоносый «москвич», недавно покрашенный по заказу клиента. Поднял руку и начал перечислять, загибая пальцы.

– В моей коллекции есть всё, Андрей. Лимузин Элвиса Пресли, «испано-суиза» князей Юсуповых, «форд», принадлежавший австрийскому эрц-герцогу Фердинанду. «Волга», на которой ездил Гагарин. «Мерседесы» я не считаю... У меня нет только этой машины.

Он вынул из папки фотографию, наклеенную на мелованный картон, протянул Андрею. Тот будто снова увидел ожившие тени давно исчезнувшего мира.

Полдень, насквозь просвеченный солнцем. Осанистый барин с бородкой, в тугом воротничке, с увесистой золотой цепочкой, соединяющей пуговицу с жилетным карманом, – вероятно, отец семейства – сидит очень прямо, локтем опираясь о дверцу машины. Его окружают женщины в белых кисейных платьях. Кажется, три сестры, но если внимательней приглядеться – мать и две дочери. Все три – красавицы. Мать улыбается сдержанно, с затаенной грустью. Старшая дочь смотрит с насмешливым и гордым прищуром. Младшая – юная, худенькая, почти подросток, крутит руль автомобиля. Глаза веселые, озорные, уже готова

соскочить с подножки и броситься бежать куда-то или же прыгать от радости, обнимая отца, целуя его бороду.

Глядя на поблекший снимок, Андрей не заметил, как вернулись механики, как гараж наполнился звуками. Кто-то из ребят, надев защитный шлем, распиливал болгаркой ось – краем глаза Андрей поймал сноп искр из-под режущего диска.

Ни надписей, ни даты на фотографии, но по очертаниям кузова можно было сразу узнать автомобиль. Андрей поднял глаза и посмотрел на Мишеля с недоверчивой улыбкой.

– Но это же «руско-балт»? Первый в истории русский автомобиль. В родной сборке сохранилось всего четыре экземпляра...

– Пять, – Мишель явно наслаждался производимым впечатлением. – Мои люди нашли еще один, совсем недавно. Я занимаюсь поиском редкостей. Не только автомобили. Этрусская бронза, фарфор, работы Фаберже... И вот, представьте, такая удача.

– И в самом деле. Так вы хотите, чтобы я помог вам оценить машину?

– Я хочу, Андрей, чтобы вы помогли мне получить эту машину. Мне сказали, вы один из лучших в своем деле. Молодой, целеустремленный, хваткий... Про вас в журналах пишут.

Андрей почувствовал себя польщенным. Было чем гордиться, что тут скрывать?

Отец-инженер привык чинить свой старенький жигуленок сам, по книжкам. Андрей лет с десяти с ним вместе разбирал узлы, изучал устройство механизмов, учился по звуку определять болезнь карбюратора или коробки. Жили скромно, отец любил повторять, что счастья за деньги не купишь. Умер в гараже. Легко, будто уснул – сердечный приступ. Андрею было четырнадцать.

Мать выбивалась из сил, чтобы поднять их с сестрой, вывести в люди. На двух работах, по вечерам готовка, стирка. Пока ровесники сидели за компьютерными играми, водили девушек в кино, Андрей пробился в команду автокартинга. Сам обслуживал машину, побеждал в районных соревнованиях. Взрослея, понимал, что отец его – обыкновенный неудачник. Жалел мать и обещал себе, что у него-то будут и деньги, и счастье. За этим и поехал в большой город, в Петербург.

Никого знакомых, в кармане – только диплом техникума. Начинал механиком в чужом боксе, первые полгода работал по восемнадцать часов, брал халтуру на стороне. При этом съемная квартира, обеды в кафе, машина в кредит – как без нее? Откладывать получалось так мало, что временами думал бросить все, купить обратный билет. Но спортивный опыт держал – нельзя сдаваться. Наконец, повезло встретить нужных людей, подкинули выгодный заказ, второй, третий.

Город принял его. В двадцать шесть лет он уже владелец пусть небольшого, но собственного бизнеса. Взял квартиру в ипотеку – далековато от центра, зато работа рядом. Даже поступил на заочное в университет.

Со временем обустроится, перевезет и мать с сестренкой. Пока что звонит им каждую неделю, высылает деньги. Отправил по почте и журнал со статьей, с большой фотографией в полный рост, с рассказом о его увлечении ретро-автомобилями.

Мишель достал из кармана портсигар – старинный, похоже золотой, с эмалевым вензелем. Неторопливо вынул сигарету, постучал по крышке.

– Видите ли, хозяйка «руско-балта» не знает его настоящей цены. Я приводил к ней своих экспертов... Но ей почему-то хочется, чтоб автомобиль оценили именно вы. Показала мне статью в журнале – там ваш портрет и самые лестные характеристики. Говорит, у вас хорошее лицо. Знаете, эти бывшие княгини, кто их поймет... Она чуть ли не из первой волны эмиграции. Редкий экземпляр.

Мишель хотел прикурить сигарету от золотой зажигалки, но Андрей остановил его жестом, попытался вспомнить отчество.

– Михаил...

– О, просто Мишель, без церемоний!

– Извините, у нас не курят – техника безопасности.

Гость на секунду сощурил глаза, лицо сделалось брезгливым, неприятным. Но тут же овладел собой, смял и отбросил сигарету.

– К делу. Ваша задача – осмотреть машину, назначить цену... в пределах, скажем, трехсот тысяч евро. И убедить хозяйку продать автомобиль только мне.

Андрей рассмеялся.

– Триста тысяч за «руссо-балт»? Да ему же цены нет!

– А вы не думали выкупить этот гараж?

Глаза нежданного гостя блеснули золотой, эмалевой искрой и Андрей понял, что это не шутка. История странная, фантастическая. Найти «руссо-балт» для коллекционера – это как для археолога откопать гробницу фараона. Но нет ничего невозможного, особенно для человека с деньгами.

– Когда можно посмотреть машину?

Мишель усмехнулся.

– Вот это деловой разговор. Машина за границей. Выезжайте, как только оформите визу. Вас встретит посредник, мой человек, он представит вас старухе... Само собой, я оплачу расходы на дорогу и проживание. Вы бывали в Париже, Андрей?

– Нет.

– Ну, вот и случай. Так вы согласны?

Кто-то из механиков стукнул киянкой, словно ударил молотком невидимый распорядитель аукциона – сделка утверждена. Скрепили договор рукопожатием. Андрей снова удивился влажной мягкости руки Мишеля. Но холеные пальцы вдруг стиснули его кисть, как мускулистые щупальца.

– Я не люблю нечестной игры, Андрей. Ву компрёне?¹

Теренс направился к выходу. Андрей окликнул.

– Я пока оставлю фотографию себе?

– Возьмите совсем. Вам позвонят...

Андрей остался стоять посреди гаража, глядя вслед иностранцу. Странно, что тот говорил на чистом, без ошибок, без всякого акцента русском языке, лишь непривычно, на старинный манер, растягивал гласные. Что это – розыгрыш, авантюра, счастливый случай? Почему Мишель обратился именно к нему? Есть же авторитеты, эксперты с именем, коллекционеры со стажем. Или Теренс постеснялся предлагать им нечестную сделку? И что это за княгиня, которая сегодня, в эпоху телевидения и Интернета, не может узнать настоящей цены «руссо-балта»? Впрочем, что бы там ни было, нужно подписать с Мишелем договор и постараться исполнить задачу.

Куликов снова взглянул на поблекший снимок. Девушка в соломенной шляпке улыбалась ему, словно давнему знакомому. Ясный день, полный света и зелени парк, дом с колоннами, лодка на пруду – когда все это было? Как звали девушку? Как долго нет на свете этих людей, живы ли их внуки и правнуки, хранят ли их портреты в сафьяновом альбоме с тисненым узором? Или память о них развеял, разметал ветер времени?

Андрей подумал: что, если он и правда сможет выкупить гараж со всем оборудованием? На аренду уходит половина прибыли, без этих расходов можно расширить линейку услуг, открыть производство нестандартных запчастей. Можно взять еще одного механика, увеличить объем заказов. Да, счастье не в деньгах, но он-то знает, какое несчастье – нехватка денег. Уже представляя, как позвонит матери и расскажет о своих успехах, Андрей прикрыл

¹ От фр. Vous comprenez? – Понимаете?

глаза и снова увидел огненный шар солнца, с нижнего края надкушенный напозающей луной.

Глава 2

Автомобиль

Дневник княжны Ирины

Какой же славный сегодня день!

Мы с Верой гуляли в парке, у ней все детские шалости. Залезла высоко на дерево и читала облакам поэмы Guillaume Apollinaire². Ей всё видятся в небе белые рыцари, которые скачут, чтобы ее спасти неизвестно от каких несчастий. А затем мы увидели папá, который ехал через мостик на новом авто. Вера кинулась вниз, чуть не разбилась – и ну бежать к дому. Я за ней, неслись как оглашенные – что уж подумали о нас рыбаки на озере или гуляющие в лодках, бог весть. Конечно, прическа растрепалась, платье измялось, но мамá уж было не до нашего вида. Автомобиль!

Голубчик папá, как я люблю его!

Теперь у нас личное авто, прямо из Риги от господина Фрязиновского. Та же модель, которая в прошлом году победила на гонках в Монте-Карло. Вечером chauffeur³ рассказывал прислуге, что «руссо-балт» впервые покорил вершину Везувия, куда раньше не добиралась ни одна машина. Разгоняется до шестидесяти километров! Говорят, Peugeot, который купил count Sumarokov-Elston⁴, на хорошей дороге едет и семьдесят, но папá считает, что французские покупают только для шикy, а русская техника самая надежная. Нам нужно развивать свою industry, это слова Государя, и я с ним совершенно согласна.

Чертеноч Вера тотчас забралась на главное сиденье, крутила руль, дергала рычаги. Теперь ей хочется научиться ездить как возжатый (мне больше нравится шоффер, хотя это слово значит не управляющий машиной, а истопник).

Мамá старалась делать вид, что не очень довольна, потому что папá делает много расходов и нельзя ездить с такой бешеной скоростью. На самом деле душенька была счастлива так же, как и мы все.

После мы катались вокруг дома и по парку. Обедали поздно и долго еще обсуждали покупку – решили завтра ехать к Зубцовым, удивить крестную.

В институте привыкаешь к дисциплине и скромной жизни, но здесь, на даче, так и хочется лениться, баловать себя. Стыдно об этом писать, но я так люблю комфортную обстановку – тонкий фарфор, цветы в хрустале, камеи и шелковые платья. Когда я думаю, что могла родиться в простой крестьянской семье и мне пришлось бы, как все крестьянки, доить корову, жать рожь на солнцепеке и замуж выходить в пятнадцать лет за борода-того мужика, мне смешно и страшно. Надо ценить это счастье, что мы богаты и знатны! Но у барышни свои заботы – лень, скука, и замуж хочется за военного, а сватаются всё смешные господа с брюшком и лысиной. Лучшие уж совсем не выходить, я так и говорю папá, но он все смеется.

Да, совсем забыла! Управляющий Василий Никанорыч снимал нас в машине на фотографический аппарат, и завтра будут портреты. Я жду, что выйду сущей растрепкой. Скорей бы увидеть!

² Гийом Аполлинер (фр.).

³ шофер (фр.).

⁴ граф Сумароков-Эльстон (англ.).

Май 1914 года

Глава 3

Париж

Тесный переулок был заставлен автомобилями, таксист остановился на углу и показал рукой на вывеску отеля. Андрей расплатился, взял из багажника свой чемодан и направился вверх по улочке.

Половину тротуара оккупировали столики кафе. Андрей пробирался между ними, невольно поглядывая на жующих туристов, оживленно болтающих на разных наречиях. Шел не спеша, старался не подавать виду, что это его первая поездка за границу, что он успел заблудиться в аэропорту, понервничать при взлете и посадке.

Париж слегка ошеломил его многоязычием, суетой, цветовой палитрой лиц и глаз – от темно-коричневой умбры до цинковых белил. Он пока не ощущал той романтической атмосферы, которой славился город высокой кухни и моды, великих художников и шансонье. Смятые жестяные банки вокруг переполненной урны, жареная картошка и гамбургеры на тарелках в закусных, девушки в удобных кедах и джинсах. Жизнь и здесь была стандартизирована по общему шаблону, разве что небо казалось светлей и выше и между крыш то появлялся, то прятался знакомый силуэт ажурной башни. Ну и главное, конечно, – здесь в апреле начиналось лето, цвели деревья и зеленела трава на газонах.

Он шел неторопливо, поглядывая по сторонам, уже понимая, что за пять дней не успеет ни толком разглядеть Париж, ни разгадать его загадку. Цветочный горшок внезапно упал ему под ноги и с тяжелым звоном развалился на черепки.

Андрей не успел испугаться. Остановился, глядя на клубок упругих корней, которые словно вырвались наружу из тесноты и темноты. Красные соцветия растения все еще дрожали от удара. Андрей успел подумать: еще полшага, и вместо неожиданного отпуска он мог бы оказаться в парижской больнице с тяжелой травмой головы. Сверху послышался перепуганный звонкий голосок:

– Mon dieu, j’ai failli vous tuer! Je suis terriblement dé solée! C’est un horrible accident!⁵

Андрей увидел только золотые волосы, струящиеся над балконом. Видение мелькнуло, исчезло. Он решил продолжить путь, но через минуту светловолосая девушка в легком платье догнала его, лепеча свои непонятные извинения.

Андрей развел руками.

– No Franche! English...⁶

Перепуганная виновница происшествия перешла на английский.

– You speak English? I am so sorry... Are you o’key?⁷

Туристы за столиками наблюдали за нелепой сценой. Наверное, сожалели, что горшок пролетел мимо цели, – куда забавней было бы, если б попал. Андрею не нравилось быть в центре внимания, он поторопился отделаться случайными, первыми пришедшими на ум английскими словами.

– Thank you. Sorry... I am fine.⁸

Нелепые несчастья имеют свойство умножаться. Девушка не заметила, как вслед за ней из подъезда вылетел толстенький мопс, иссиня-черный, как спелый баклажан, и на удивле-

⁵ Боже мой, я вас чуть не убила! Мне так неловко! Какое ужасное происшествие! (фр.)

⁶ Не французский! Английский... (англ.)

⁷ Вы говорите по-английски? Простите меня... С вами всё в порядке? (англ.)

⁸ Благодарю. Извините... Я в порядке (англ.)

ние стремительный для своей комплекции. Пес проскочил под ногами жующих туристов. «С них пора уже собирать деньги за представление», – подумал Андрей.

– Бижу! – вскрикнула девушка и побежала ловить собаку. Но куда там! Пес юркнул между ножками столиков и понесся вверх по улице.

Андрей оставил чемодан и, споткнувшись о черепки горшка, бросился наперерез собаке, устремившейся к дороге, прямо под колеса проезжающей машины. Тяжелый и гладкий мопс извернулся, пытаясь вырваться из чужих рук, но Андрей крепко ухватил его за ошейник, передал подскочившей хозяйке. Не на шутку испуганная, девушка вновь перешла на французский:

– Merci, Monsieur! O, grand merci!⁹

За суматохой Андрей не успел разглядеть незнакомку. Сейчас только заглянул в ее лицо – скуластое, худенькое, большеглазое. Из кафе звучала популярная мелодия, электронный бит. Глядя в голубые глаза девушки, Андрей вдруг ощутил странный холод в области сердца, совсем как в тот раз, когда смотрел на солнечное затмение. Пес на руках незнакомки тихонько заскулил, девушка смутилась, отвела глаза. На секунду Андрею захотелось удержать ее, что-то спросить, завязать разговор. Только как это сделать? Красивая парижанка, живет в самом центре, в престижном районе. Балкон весь заставлен цветами, и мопс по кличке Бижу. Может быть, она замужем или встречается с каким-нибудь успешным парнем. А он, Андрей, – простой механик, знающий по-французски лишь пару слов: «бонжур», «мерси», «шерше ля фам». Он шагнул к своему оставленному посреди тротуара чемодану (вот еще два французских слова!), быстро кивнул девушке и пошел своей дорогой.

Перед входом в отель, обернувшись, увидел, как она с жалостью поднимает с асфальта сломанный цветок.

Отель был небольшой, но уютный и чистый. Андрея ждали, сразу выдали ключи от номера в мансарде. Он поднялся по скрипучей деревянной лестнице, бросил вещи, встал под душ, чтобы смыть дорожную усталость. Одеваясь, обнаружил в номере балкон, с которого открывался вид на крыши Парижа – синие в наступающих сумерках, украшенные острокопечными башнями, решетками и трубами старинных дымоходов. Нагнувшись вниз, Андрей сообразил, что его окна выходят на ту самую улочку, по которой он шел к отелю. И почти напротив – квартира с цветником на балконе, откуда на него свалился горшок.

В окнах той квартиры горел свет, он видел часть комнаты – малиновые стены, картины в старинных рамах, кисейные наряды на безголовых манекенах. Девушка все еще была там, примеряла шляпку с лентами, дурачилась и сама себе строила рожицы перед высоким зеркалом. Теперь Андрей смотрел на нее с теплым чувством, как на близкого человека. Ее лицо и тонкая фигурка и в самом деле казались ему странно знакомыми. Сердце его на секунду сжалось, как бывает, когда мечтаешь о далеком и несбыточном. Андрей помахал рукой, но незнакомка, конечно, не увидела его. Лишь Бижу, лежащий в золоченом кресле, заметил и завилял куцым хвостом. Жаль, что собаки не умеют говорить.

⁹ Спасибо, месье! О, большое спасибо! (фр.)

Глава 4

Офицеры

Только в средней русской полосе на повороте весны к лету бывает разлит в воздухе этот крепкий медвяный запах цветов и трав. Природа наша неброская, листва деревьев пышна, но окрашена одним скучным цветом. Зато как украшают траву полевые цветы и какое надо всем стоит небо – высокое, будто праздничное. И как хор славословия, поднимается к небу нескончаемый звон кузнечиков и птичьих голосов.

В первый по-настоящему жаркий майский день у озера собрались на пикник молодые офицеры. В тени деревьев был брошен на землю ковер. Вытянув ноги в щегольских сапогах, полулежал на траве блондин лет тридцати пяти, с насмешливым, слегка одутловатым от излишеств жизни, но все еще красивым лицом. Раздавались короткие возгласы.

– Валет. Иду в дефиле!

– Бросаю в огонь дивизию!

– Пошли пулеметы. Козырем!

Компания собралась почти случайная. Блондин – штабной адъютант барон фон Ливен. Напротив него – гвардии пехотный капитан Михайленко, присланный из военной академии. Третьим игроком был вечно рассеянный, близорукий и толстощекий штабс-ротмистр Соболевский. Все трое заядлые картежники, за две недели межвойсковых маневров они каждый вечер сходились на квартире Ливена, вели баталии в сигарном дыму, словно разыгрывали наступление армий.

Молодой подпоручик лейб-гвардии Конного полка Алеша Репнин был взят на пикник за компанию, по доброте Соболевского, который имел какие-то дела с его отцом, богатым помещиком, и по этому случаю опекал юношу. Подпоручика не брали за карточный стол – барон смеялся: «Куда черту садиться с младенцем», – зато обучали другим офицерским премудростям: пить по две бутылки шампанского за вечер, держать пари, обсуждать достоинства лошадей и местных барышень. В карты не играл и другой офицер-кавалерист, поручик Андрей Петрович Долматов, молодой человек лет двадцати шести с открытым и привлекательным лицом, с небольшой бородкой, отпущенной по моде на турецкий манер.

Долматов оказался на пикнике почти против воли, из-за спора о лошадях. Теперь он стоял на берегу и смотрел на озеро, чувствуя неловкость своего положения малознакомого и не участвующего в карточной игре человека. Ему не нравились штабные офицеры, особенно фон Ливен, высокомерный и насмешливый, позволявший себе вслух ругать армейское начальство и отпускать цинические замечания о женщинах. Поручик давно хотел распрощаться с товарищами и вернуться к себе на квартиру, но молодой Репнин, с которым они были дружны, горячо просил его остаться. К тому же Долматов недавно прочел статью Соболевского о кавалерийских рейдах и рассчитывал здесь, на свободе, подробнее расспросить об этом.

Алешу Репнина больше занимала поэзия, чем военная наука. Он захватил с собой тетрадку стихов и, откинув кудрявую светлую голову, читал восторженно, упоенно:

Два верных спутника мне жизнью суждены:
Холодный снег, сиянье белизны, —

И алый гиацинт, — его огонь и кровь.
Приемлю жребий мой: победность и любовь!..

Долматов заметил, как вздрогнула на последней фразе белая, с тонкими щиколотками, кобыла барона. Казалось, она пытается выразить свое восхищение стихами, пока другие лошади равнодушно щипали траву, хвостами отгоняя мух.

Соболевский сбросил карты, добродушно выругался, поднялся на ноги. Михайленко напряженно вглядывался в невозмутимое лицо барона, пытаясь угадать, блефует тот или ведет свою игру.

Долматов слышал, что барон фон Ливен начинал службу в их же полку. Отличился во время несчастной Японской войны, был переведен в Главный штаб и в тридцать два года состоял уже в чине подполковника и носил флигель-адъютантские эполеты. Начальство его отличало, он имел успех у дам, ему завидовали. Но он, казалось, совсем не ценил своей счастливой карьеры. Пристрастие к картам, злой и насмешливый ум вечно толкали его на ссоры с товарищами. Долматов слышал про его дуэли, после одной из которых только случай да покровительство какого-то важного генерала спасли барона от разжалования.

Капитан Михайленко все не решался сделать ставку.

– Барон всегда выигрывает! Он счастливчик, баловень судьбы, – не к месту восторженно заметил юный Репнин.

Михайленко раздраженно дернул головой, нахмурился и все же заявил. Фон Ливен расхохотался, оскалив зубы, и медленно, наслаждаясь эффектом, стал выкладывать свои карты на ковер. Капитан побледнел с досады, поднялся, резкими движениями отсчитал ассигнации.

– Извольте получить, барон. Уж не знаю, кто вам подыгрывает, ангел или черт, но я с вами больше не сяду.

Барон лениво протянул белую руку, спрятал деньги, но остался лежать на траве. С лица его не сходила самодовольная улыбка. Он придирчиво выбрал из стоявшей рядом вазы гроздь винограда, начал обкусывать ягоды, с хрустом давя их во рту.

Долматов обратился к Соболевскому; заговорили о тактике кавалерийских рейдов, стали вспоминать успешные примеры из истории.

– Полноте, господа! – на полуслове оборвал их Михайленко. – Эти прекрасные батальные картины, которые вы тут обсуждаете, оставьте живописцам минувших веков. В будущей войне кавалерийские атаки, да и весь блестящий героизм с шашкой наголо, будут умножены на нуль, то есть зеро.

Он подошел к красивой лошади фон Ливена с влажными и умными, почти человеческими глазами. Похлопал кобылу по холке.

– Лошадок скоро истребит двигатель внутреннего сгорания. Какой там эскадрон гусар летучих против эскадрильи аэропланов, которая за час может разбомбить двухмиллионный город! Один снаряженный бронепоезд стоит всей вашей драгунской отваги.

– У бронепоезда маневренности нет, – возразил Соболевский.

– Зато она есть у бронированных автомобилей на гусеничном ходу. Проходят и по снегу, и по болоту. В новой войне дело решать будет не личная доблесть, а телефонная связь, беспроволочный телеграф и точная работа артиллерии. Я уж не говорю о новейших химических видах оружия.

– Это вы про отравляющий газ, который немцы изобретают? – уточнил Репнин. – Кто ж его решится употребить? Это как заражать чумой колодцы: сам же первый и погибнешь.

– Что ж, бактерии, микробы – это уже будущая ступенька развития. Нынче все ученые мира работают на войну. Кто знает, может, изобретут такую бактерию, которая воздействует только на людей с голубыми глазами. Или напротив, с черными. Вы смеетесь, Ливен?

Барон пожал плечами.

– Отнюдь. Я и сам предполагаю, что грядущая война будет такой механистической, кровавой и жестокой, какой еще не ведал мир.

– С кем же будем воевать, неужто с Германией? – подпоручик Репнин улыбался то ли от нелепости своего предположения, то ли просто от счастья своей молодой силы, от тепла погожего дня. – Вы ведь, Иван Карлович, немец. Неужто пойдете против своих сородичей?

– Чепуха! – рассердился барон. – Какой я немец? Немец – человек порядка, а у меня бессонница, тоска. Предки мои переменили подданство, служили царю Петру, женились на уездных барышнях. Если что и было немецкого, все испорчено русской кровью.

– Не выпить ли нам, господа? – предложил примирительно Соболевский.

Молодой солдат, кухонный работник с хитроватым крестьянским лицом, за расторопность взятый прислуживать на пикнике, откупорил бутылку, разлил шампанское по бокалам.

– За отечество и государя императора. Ура! – провозгласил Михайленко.

– Все же я не согласен с вами, капитан, – запоздало решил возразить Долматов. – Личная отвага важна в любой войне. Техникой тоже управляют люди, значит, исход сражения по-прежнему будет зависеть от простого солдата. От его духа, воли, боевых и моральных качеств.

Михайленко собирался ответить, но тут фон Ливен поманил пальцем служащего солдата.

– Как тебя звать, голубчик?

Тот бойко отрапортовал:

– Ефим Щепкин, ваше высококородие!

– Из каковских будешь?

– Тульские мы.

Долматов подумал, что хитроватое лицо Ефима выдает в нем человека битого, привычного к неожиданным поворотам судьбы. Таким представлялся ему солдат из сказки, ловко обманувший черта. Весь он был составлен из окружностей: туловище-дыня и приставленные к нему огуречики рук и ног. На круглом лице моргающие, выпученные от усердия глаза, округлый нос картофелиной, толстые губы.

Щека барона нервно подергивалась, но речь текла спокойно и плавно.

– Тула – город знаменитый. Там ружья отличные делают...

– На что лучше! – улыбался Ефим.

– А скажи-ка, солдат, ты сам-то воевать горазд? С саблей против пулемета? А то и под шрапнель голым брюхом? Хватит у тебя на это духу, воли и моральных качеств?

Долматов догадался, что Ливен охвачен тем злым, щекотным раздражением против любой высокой мысли, часто вызывающей недоверие у образованного и пожившего человека. Ефим все улыбался, показывая, что понимает шутку офицера и готов ее поддержать. Почему-то в эту секунду Долматов подумал, что на некоторых лицах можно прочитать их судьбу.

– Насчет воли, это, ваше высокоблагородие, мы понимаем! Свобода, значит. Либерте, эгалите, фратерните!¹⁰

Фон Ливен захохотал. Долматов не успел заметить, как он взял с подноса яблоко, но увидев красный и румяный плод в руке барона, почувствовал внезапное напряжение всех нервов.

– Свобода! Либерте! Вы слышали, господа? Встань-ка сюда, Ефим, – в одну секунду барон сделался хмур и сосредоточен. – Подпоручик Репнин! Помнится, вы говорили, что я баловень судьбы?

Яблоко установилось на круглой, под ежик остриженной голове тульского мужичка. Фон Ливен вынул из кармана браунинг.

¹⁰ От фр. Liberté, égalité, fraternité! – Свобода, равенство, братство!

– Вот и поглядим, чьи будут козыри. Кому нынче свобода быть убитым, а кому – идти в Сибирь...

Репнин потерял дар речи. С мальчишеским испугом он смотрел, как барон прицеливается в яблоко на голове солдата. Соболевский уронил с носа пенсне, Михайленко сделал порывистый шаг вперед, но барон оскалился, процедил сквозь зубы: «Не мешать, не то промахнусь!»

Долматов оглянулся на Ефима. Тот все еще держал в руках поднос, на котором дрожали, позванивали хрустальные бокалы. Солдат Щепкин был не столько испуган, сколько изумлен невероятностью происходящего. Он быстро моргал глазами, глядя прямо в дуло нацеленного ему в голову браунинга.

Долматов видел, что Ливен пьян, что действовать нужно решительно. Он заступил за спину барона и, бросившись вперед, вздернул руку с браунингом вверх. Прозвучал выстрел, а за ним, как показалось Андрею, чей-то крик. За кустами сирени мелькнула женская фигура в белом платье.

Будь он человеком суеверным, решил бы, что это тень покойной матери явилась предупредить его. Но, верно, померещилось. Яблоко упало, покатилося. Ефим уже бежал вверх по дороге, сжав руками свою круглую голову.

– Не смей! Вы мне ответите за это! – барон уставился в лицо Долматову бешеными, налитыми кровью глазами. Долматов чувствовал, что и сам готов вскипеть, но воспоминание о матери вернуло ему благоразумие.

– Вы пьяны, Ливен. Езжайте спать.

Фон Ливен скрипнул зубами, рванулся вперед, но тут уже опомнились Репнин, Соболевский, Михайленко. Поймав за локти, удержали адъютанта.

Господа, господа!

– Иван Карлович! Андрей Петрович... Прошу вас, ради бога! – чуть не со слезами умолял Алеша.

«Что ж, теперь дуэль», – мелькнуло в голове Долматова, и он удивился собственному спокойствию. Отвязал своего коня, поклонился кивком головы.

– Я к вашим услугам, барон.

Фон Ливен смерил его тяжелым взглядом. Долматов поднялся в седло. Конь, чувствуя шпоры, тут же пустился в галоп.

* * *

Княжна Вера бежала со всех ног в сторону дома. Ей хотелось скорее кинуться к маме, с головой накрыться ее кашемировой шалью, прижать к щекам теплые, душистые мамины руки. Но что тут расскажешь? Как объяснишь, что она, Верочка, вовсе не хотела подглядывать за офицерами, которые играли в карты на берегу озера. Вот важность, офицеры, будто она их не видала? От них всегда противно пахнет табаком, сапоги у них большие, с железными гвоздями. На Рождество она сама видала, как один офицер, приглашенный на вечер, потихоньку пнул сапогом *его величество Людвига Баварского*, или попросту Людо-еда, сибирского кота мамы. Что ему сделал бедный Людвиг? И что хорошего сестрица Ирина находит в этих офицерах?

Вот и сейчас они затеяли непонятную Верочке злую шутку. Барон фон Ливен, который в Петербурге приходил к ним в приемные дни, степенно пил чай, вел негромкие разговоры с сестрицей Ириной, – зачем он хотел стрелять в человека? Бедный этот лакей с подносом, у него было такое опрокинутое лицо! Это ведь даже не *Людвиг Баварский*, а живой настоящий солдат. Может быть, в деревне его ждет жена или невеста. Как хорошо, что тот, другой, незнакомый офицер помешал барону!

Вера недавно прочла «Детство» и «Отрочество» Толстого, и хотя многое из этих книг примеряла на себя, все же смогла понять, что мужчины, даже мальчики – существа загадочные, живущие одним самолюбием и первобытными инстинктами. Деревенские мальчишки вечно дрались друг с другом и били гимназистов, гимназисты сами затевали сражения до крови, с обидными прозвищами и долгой затаенной местью. Она думала – зачем мужчинам драться, спорить, стрелять друг в друга, когда на свете и без того столько опасных приключений? Можно наняться юнгой на корабль, поехать в Африку или в Боливию, покорять индейцев. Можно отправиться на золотые прииски и вернуться домой через двадцать лет богатым и неузнанным, как Монте-Кристо.

Этими мыслями она как-то поделилась с кузеном Алешей, и он на словах с ней согласился. Но теперь он сам сделался подпоручик и тоже участвовал в этой глупой шутке! Наверняка там было рагi, офицеры вечно спорят и заключают пари, папá часто смеется над этой отсталой привычкой.

Вера бежала, прижимая к груди букет полевых цветов, которые собрала еще до всего увиденного и о которых совершенно забыла теперь. Мысли в ее голове мелькали быстро, будто проносились мимо деревьев аллеи. Она все расскажет сестрице Ирине, пусть знает про барона, какой он злой и дерзкий человек. Недаром барона не жалует *Людвиг Баварский*, уж он-то разбирается в людях! Вот интересно, что бы он сказал про молодого офицера, который помешал барону стрелять?

Перед глазами Веры все еще стояло лицо с темной бородкой, которое ей трудно было описать. «Дышащее справедливым гневом» – вот правильное выражение, хотя и немного книжное.

Кровь стучала в висках; запыхавшись от бега, Вера не услышала топота копыт с боковой дорожки. Гнедой разгоряченный конь вдруг вырос перед ней, мелькнули в воздухе подковы. Молодой офицер едва успел осадить жеребца.

Вера споткнулась и села на траву. Цветы рассыпались – как она забыла про букет, собранный для мамá?

– Ради бога простите, я напугал вас! Вы расшиблись...

Молодой офицер, тот самый, что помешал стрелять барону, соскочил с коня и бросился к ней. На лице его читалась растерянность. «Совсем как виноватый гимназист!» – успела подумать княжна.

– И вовсе не напугали! – возразила она спокойным тоном, подражая взрослой даме. – Просто здесь никто не ездит, это наш парк!

На коленке, измазанной грязью и зеленой травой, лопнул чулок. Вера одернула подол, строго взглянув на офицера. Он казался смущенным больше нее. Но спохватился, подал руку.

– Я страшно виноват, если бы я знал... мой полк недавно расквартирован...

Представился с поклоном:

– Лейб-гвардии Конного полка поручик Андрей Петрович Долматов.

– Вы теперь будете драться с бароном на дуэли? – спросила Вера, тут же поняв, что выдала себя. И, вспомнив о приличиях, присела в реверансе.

– Княжна Чернышева. Вера Александровна.

Она принялась собирать рассыпанные цветы. Молодой офицер помогал ей, по его щекам разливался смуглый румянец. «Какое у него хорошее, доброе лицо, – думала Вера, – папá его сразу полюбит!» Но в ту же минуту она поняла, что не стоит рассказывать о происшествии в парке никому, даже отцу.

Конь нетерпеливо заржал, поручик взял поводья. Вера, коротко поклонившись, пошла в сторону дома.

Неужели на этом все? А вдруг он завтра погибнет на дуэли и она никогда его больше не увидит?

– Приходите к нам! – крикнула княжна, обернувшись. – Приходите с Алешей, он наш двоюродный брат!

Долматов стоял, рукой в перчатке похлопывая коня по холке, и улыбался ей вслед.

«Никому не расскажу!» – снова подумала Вера, решив, что это будет ее первый по-настоящему взрослый секрет.

Глава 5

Чиж

Трезвонил телефон на тумбочке у кровати. Куликов схватил трубку, ответил по-русски: «Да, слушаю». Тут же вспомнил – он в Париже, в гостиничном номере. Портье передал трубку посетителю, ворчливый голос напомнил звук скворчащей на огне яичницы.

– Чиж, это Чиж! Что же вы, Андрей Петрович, я жду в нетерпении!

Вчера Андрей лег во втором часу, зато успел проехать на туристическом автобусе по всем парижским достопримечательностям, потолкался в толпе у Эйфелевой башни, увидел Нотр-Дам, погулял по ночному Монмартру. Но почему-то из всех впечатлений, перемешанных в его голове, он ярче всего запомнил разбитый горшок и девушку с легкими светлыми волосами. Сейчас ему казалось, что незнакомка смотрела на него как-то особенно, словно с ожиданием. Почему он не задержался, не спросил ее имя? Не предложил встретиться вечером в кафе?

Перед тем как выйти из номера, Андрей открыл балконную дверь. Цветы в горшках приветливо покачивались, кивали ему как старому знакомому, но в окнах квартиры незнакомки было темно.

По коридору плыл запах кофе и тостов. Андрей с сожалением подумал, что не успеет позавтракать. По тесному холлу возле стойки портье нервно расхаживал небольшой человек с подвижным, выразительным лицом, с головой, увенчанной седыми кудрями. Он держал двумя пальцами окурок сигары.

– Ну, наконец-то! – кинулся он к Андрею. – Здравствуйте, здравствуйте. Я Чиж, Лев Эммануилович... Антиквар, краевед, посредник в разнообразных делах.

Андрей смотрел на антиквара с некоторым недоверием – уж очень комично тот выглядел и держался. Поднеся ладонь ко рту, Чиж сообщил заговорщицким шепотом:

– Я от Мишеля. Ву компрёне?

По лестнице спускалась высокая дама с двумя большими собаками на поводке.

– Собаки! – воскликнул посредник, изображая лицом трагическую маску. – У них больше прав, чем у человека! Мир сошел с ума. Скоро собаки будут заседать в парламенте!

Он выразительно посмотрел на портье за стойкой, который усмехался одними глазами.

– Если бы я был собакой, мне бы разрешали курить везде!

Энергично схватив Андрея под руку, краевед повлек его к дверям. Через минуту они уже мчались в старенькой машине по кривым парижским улочкам. Чиж быстро крутил руль, вертел головой по сторонам, поправляя запотевшие очки с толстыми линзами. Что-то выкрикивал в адрес зазевавшихся пешеходов. Одновременно рассказывал:

– Моя бабушка, графиня, все потеряла в революцию. Дворцы, особняки, поместья – все реквизировали, вплоть до мебели обивки. В эмиграции она бредила Петербургом, мечтала когда-нибудь вновь пройти по Фонтанке... Вы еще так молоды, Андрей Петрович, и, наверное, не слышали тот знаменитый в мое время куплет: «Чижик-пыжик, где ты был?»...

Андрей, немного оглушенный болтовней антиквара, пожал плечами:

– «На Фонтанке водку пил»?

– Совершенно верно! Бабушка вышла замуж за моего дедушку потому, что его фамилия – Чиж – напоминала ей о днях счастливой юности... Да, взгляните направо. Лувр, величайшая сокровищница мировой живописи.

Андрей повернул голову, но вид уже закрывал высокий парпет набережной. Он подумал – странно, что Мишель, солидный клиент, предприниматель, ведет дела с таким оригинальным персонажем. Впрочем, собиратели – особый народ. Андрею приходилось встречать

немало странных персонажей среди коллекционеров старинных автомобилей. Один искал по свету марки машин, на которых ездила Мерилин Монро, – «форды», «пontiаки», «кадиллак-кабриолет». Он и квартиру завесил портретами Мерилин. Другой построил на своей даче в Подмоскoвье трассу с полосой препятствий и регулярно устраивал гонки на трехколесных велосипедах. Третий покрасил «запорожец» камуфляжными пятнами, установил на крыше фанерную башню и танковый ствол. На этом фоне Лев Эммануилович выглядел вполне безобидным чудачком.

За разговорами они довольно быстро оказались в парижском предместье. Чиж остановил машину перед забором небольшого особнячка с черепичной крышей. Домик, будто из сказки Андерсена, увитый плющом и диким виноградом, прятался от посторонних глаз за кустами живой изгороди.

– Главное, вы должны понравиться княгине, – наставлял Андрея Чиж, надавливая кнопку звонка на воротах. – Иначе она и разговаривать не станет. Оригинальная дама, из первой волны эмиграции. Представьте, «руссо-балт» стоит у нее в гараже почти сто лет, и ни одна душа не знала об этом.

– Сколько же ей самой? – удивился Андрей.

– Это не деликатный вопрос, я никогда ее не спрашивал, – нахмурился Чиж.

Они звонили уже минут пять, но в доме не было заметно признаков жизни. Наконец, заглядывая через забор, Андрей решился спросить:

– Нас точно ждут?

– Ну, конечно! Я предупреждал, писал... Как это не похоже на Елизавету Ивановну, обычно она пунктуальна, как часы английской королевы!

– Может, позвонить по телефону? – предложил Андрей.

– Княгиня не доверяет всем этим новшествам: мобильники, Интернет. – Чиж в последний раз нажал звонок, задумался на секунду. – Впрочем, я знаю, где мы ее найдем!

– Где?

– На кладбище!

Андрей принял слова антиквара за шутку и был удивлен, когда Чиж и в самом деле привез его к воротам кладбища, названного по имени близлежащего селения – Сент-Женевьев-де-Буа. Он, конечно, слышал об этом месте и знал, что здесь похоронены русские эмигранты, бежавшие от революции 1917 года. Но всерьез этой темой он никогда особенно не интересовался. И не был готов к тому, что краевед начнет экскурсию по некрополю.

– Вот здесь, молодой человек, вы видите настоящий русский Париж! Какие люди, какие судьбы! Белогвардейцы и дети красных комиссаров... Всех примирила вечность!

Лев Эммануилович переходил от могилы к могиле, сыпал именами и датами. Он действительно много чего мог рассказать о семьях, покинувших Россию после Октябрьского переворота.

– Князь Юсупов и купец Елисеев, Бунин и Алеша Димитриевич... Вы не слышали, как поет Алеша Димитриевич? Так вы ничего не слышали в жизни. Зал рыдал без перерыва на антракт!

Он даже устроил небольшое представление, задорно выплясывая между могил и распевая нетвердым фальцетом:

– Не для меня приде-о-от весна, не для меня Дон разолье-отся!..

Свежая зелень деревьев бросала ажурную тень на гранитные памятники. Андрей видел ухоженные могилы с цветами в оградках, видел простые холмики, заросшие травой, над ними – безымянные кресты. Ему пришло в голову, что Лев Эммануилович вовсе не торопится знакомить его с загадочной княгиней, показывать «руссо-балт». Похоже, краевед решил навязать неопытному туристу свои услуги. Сколько, интересно, он запросит за экскурсию по кладбищу? Или он так развлекается? А что, пожилой, одинокий человек, выду-

мал княгиню, как-то убедил Мишеля в существовании загадочной машины. Ведь это невозможно, чтобы «руссо-балт» пылился у кого-то в гараже сто лет. Это даже не булавка Фаберже в шкатулке с пуговицами, таких чудес не бывает.

– Лев Эммануилович, а вы сами видели эту машину? Она вообще существует? – решил наконец спросить Андрей.

Чиж едва не уронил очки с носа.

– Молодой человек, кель кестьон?!¹¹

Авто принадлежало то ли отцу, то ли дяде княгини... Кстати, мой дядя, грузин по национальности, дожил до ста лет. Помню, однажды он говорит мне: «Лёва, когда я умру, похороните меня на Сент-Женевьев. Я хочу лежать рядом с Буниным». А я ему отвечаю: «Дорогой дядя, я исполню вашу просьбу, если вы исполните мою. Лично я хочу лежать рядом с вашей женой». А дядя, нужно сказать, женился пять раз и всегда на молодых роскошных женщинах... Представьте, как он удивился! «Но ведь она еще не умерла?»

Увлеченный рассказом, Лев Эммануилович повернул на узкую дорожку между крестами. Андрей, рассеянно оглядываясь, следовал за ним.

– «То-то и оно! – говорю я дяде. – То-то и оно».

Словно чья-то невидимая рука толкнула Андрея в грудь – он увидел на одном из памятников знакомое лицо с печальным взглядом. Та самая девушка из соседнего окна, уронившая цветок на мостовую, смотрела на Андрея со старинного памятника. Он прочел надпись под овальной фотографией: «Княжна Вера Александровна Чернышева, 1898–1919».

Станный сон, увиденный этой ночью, о котором Андрей успел забыть, вдруг быстрыми картинками промелькнул перед глазами – офицеры, ссора, солдат Ефим, послушный и умный гнедой конь Листопад. Он – гвардии поручик Долматов. И девушка в кисейном платье, с букетом полевых цветов – та самая княжна.

На овальном портрете дрожала капля росы, будто слеза на щеке. Андрей протянул руку и коснулся милого, печального изображения.

¹¹ От фр. *Quelle question?* – что за вопрос?

Глава 6

Домашний праздник

«Он будет непременно», – думала Верочка, проходя через гостиные, оглядываясь и не узнавая привычные комнаты. Как ей нравится все вокруг! И убранный цветами большой зал с навоощенным паркетом, и мамá, которая, вся в драгоценностях, встречает гостей у двери. С ней рядом голубчик папá, веселый и молодой, без той морщинки на лбу, которая появляется, когда он за завтраком читает депеши из департамента. А как Верочке нравится именинница, сестрица Ирина, вся в белом, такая красавица, что невозможно сказать словами! Вот она стоит у двери на террасу в окружении молодых офицеров. И с каким достоинством принимает поздравления! Разве можно в нее не влюбиться?

Сестрице только исполнилось восемнадцать лет, а к ней уже сватались раз пять или шесть – и князь Коковцев, и молодой промышленник Сургучев, и тот важный сенатор с большими бакенбардами. Папá до сих пор шутит, что отдаст Ирину за того старичка, если она не будет слушаться мамá.

А как Верочке нравится свое взрослое платье от парижской портнихи с чудесными вышивками и декольте! Она всякий раз оглядывает себя, проходя мимо зеркала, и всякий раз краснеет от смущения. Взрослая барышня! Ее уже пригласили на котильон и мазурку, она записала в книжечку имена кавалеров. Но первый вальс пока никому не обещан.

Играют музыканты, лакеи разносят мороженое и шампанское. «Как умна мамá, что решила устроить этот бал», – думает Вера, глядя в доброе и милое лицо матери. Как радостно, как светло, кажется, и цветы улыбаются празднику! Ей казалось, что все люди вокруг счастливы, даже строгий камердинер папá бывший унтер-офицер Савелий. Верочка точно знала, что нынче все они – слуги, господа, молодые офицеры, соседка-помещица с тремя дочерьми, старичок чиновник в засаленном фраке – раз и навсегда полюбили друг друга и больше не перестанут любить. Если бы все люди на земле почувствовали то же, что она, то в одну минуту прекратились бы распри и войны, даже домашние ссоры. Ведь это так просто – любить друг друга, никому не желать и не делать зла!

Княжна Ирина тоже ощущала душевный подъем от музыки, от блеска драгоценностей, от взглядов окружавших ее молодых офицеров, в которых читался восторг и безнадежное томление. Но это было тщеславное, победительное чувство, а вовсе не любовь ко всему свету. Изображая веселую рассеянность, она вместе с тем подмечала и кислое, завистливое выражение на лицах проходящих мимо дам, и шепот двух щеголеватых чиновников во фраках, которые передавали друг другу свежие сплетни о присутствующих. Ирина видела, как с каждой минутой мрачнеет от ревности сосед помещик, рыхлый блондин, студент университета, с которым она взяла привычку гулять по саду и обсуждать прочитанные книги.

Ирине нравилось играть *La Belle Dame sans Merci*, безжалостную красавицу, хотя она и понимала, что победы ее по большей части детские и смешные. Человек, который по-настоящему занимал ее, известный буйным нравом и отчаянной гордыней барон фон Ливен, не подчинялся правилам ее игры. Она видела, что очень нравится барону, но никак не могла разжечь в нем ревность и добиться признаний. На ее дерзости он отвечал своими, насмешливые замечания оборачивал против нее. Но эта пикировка была куда занимательней многозначительных взглядов и вздохов соседа.

– Все говорят, Иван Карлович, что вы настоящий баловень фортуны, – Ирина прямо и смело улыбнулась барону. – А я вот не могу понять, в чем это выражается? В карточных выигрышах? Или в том, что у вас самая красивая лошадь в полку?

Тот отвечал с примерным нахальством.

– Весьма польщен, княжна, что всякий раз становлюсь мишенью для вашего остроумия. Однако моя лошадь не только красива, у нее дикий нрав. Я люблю укрощать необъезженных лошадей.

Княжна Вера глядела на фон Ливена с тревогой. Она не знала, чем разрешилась ссора в парке у озера, когда поручик Долматов помешал барону выстрелить в лакея. Вероятно, на другой день все разъяснилось и кончилось примирением. Офицеры ссорятся, когда пьют шампанское, но не всегда же эти ссоры оборачиваются бедой. Нынче дуэли запрещены правительством, это пережиток прошлого – она нарочно расспросила про это папá. Но если у барона хватит дерзости прямо здесь, на балу, потребовать от поручика сатисфакции? Вот будет ужас!

Верочка видела, что соседка-помещица и две ее дочери не одобряют той смелой простоты, с которой держится сестрица, при этом каждая из них мечтает оказаться на ее месте. Нет, нет, сегодня все должны быть счастливы! Вот младшую из дочерей Марьи Петровны, самую бойкую и хорошенькую, ангажировал на вальс капитан Михайленко. А старичок чиновник склонился к матери и что-то шепчет. Наверное, комплимент? Ах нет, он советует непременно попробовать чудодейственную силу пиявок. Гостя смеется, обмахиваясь веером, оглядывая зал.

«А вдруг *он* вовсе не придет? – вздыхает Верочка с упавшим сердцем. – Может, *он* и думать обо мне забыл?» И тут же возражает себе: «Двоюродный братец Алеша, он дружен с *ним*, он обещал. Но отчего ж они так замешкались? Пора бы, ведь скоро начнется бал».

Чинный Савелий объявляет нового гостя:

– Михаил Иванович Терещенко!

Этого господина в отлично сшитом фраке, с перстнем на пальце Верочка немного побаивается. Он еще не старый, моложе папá, но очень солидный, как директор гимназии. Отец его был из купцов, но женился на девушке хорошего рода, получил личное дворянство. Сам Михаил Иванович учился в Лейпцигском университете, много путешествовал по миру, был даже в Южной Америке. Он тоже сосед, построил дачу на другой стороне озера – не дом, а целый дворец. Когда он приезжает к ним обедать, то вечно спорит с папá о народе, о реформах правительства и политических партиях, а государя императора называет просто «царь».

Терещенко быстро окинул зал своим тяжелым, пронзительным взглядом и, поздоровавшись с мамá, направился к Ирине. Коротко поздравил, склонился к руке, но не остался стоять в кружке ее кавалеров.

Мама говорит, за Михайло Ивановичем идет охота среди невест. Старшая дочка помещицы прямо бросила свой платок ему под ноги, но он не заметил или сделал вид. Кажется, Ирина тоже раздосадовалась, что он не остался подавать ей мороженое и осыпать комплиментами. Обернувшись к барону, она негромко произнесла:

– А я вот думаю, что настоящий баловень судьбы – это Михаил Иванович. Говорят, он сказочно разбогател на концессиях железной дороги. Деньги дают власть над миром, не правда ли, Иван Карлович?

На лице барона застыла улыбка.

– Счастье для вас измеряется в деньгах?

– Барон фон Ливен, я суетна, как всякая женщина. Я люблю наряды, безделушки. Поэтому я никогда не выберу в мужа человека недостаточно богатого, чтоб исполнять все мои прихоти...

Ревнивый сосед решил вмешаться в разговор.

– Господин Терещенко дурно воспитан, он циник и позер. Конечно, все мы любим хорошие обеды, театры, скачки, но в жизни есть не только оперетта. Основой жизни каждого человека должен быть труд. А этот господин – жертва своих денег и своего происхож-

дения, ему недоступна подлинная культура. То, что он говорил про «Даму с камелиями», невозможно пересказать в порядочном обществе!

– Зачем же вы пересказываете? – зло усмехнулся фон Ливен.

Савелий объявил:

– Фрейлина ее величества, ее сиятельство графиня Надежда Павловна Зубцова!

Вера бросилась через зал к придворной даме, одетой богаче остальных гостей.

– Крестная!..

Графиня троекратно расцеловалась с мамá – они институтские подруги. Подала папá руку, унизанную бриллиантами. Ирина, следуя этикету, подошла, присела в реверансе. Зубцова обняла ее за плечи, поцеловала, заботливым взглядом осмотрела прическу, туалет и украшения и, не найдя никаких изъянов, всплеснула руками.

– Душечка, ну до чего же хороша! Верьте слову, в будущем сезоне она затмит всех придворных красавиц!

Дошла очередь и до Верочки, она любимица Надежды Павловны. Обняв ее, крестная шепнула:

– В этом платье ты совсем взрослая барышня. Невеста!

Господин Терещенко тоже подошел приветствовать высокопоставленную гостью. Подавая руку в перчатке, фрейлина спросила:

– Михаил Иванович, а вы что скажете про это ужасное убийство эрц-герцога Фердинанда?

– Мы, люди реальной политики, намерены требовать от царя принятия чрезвычайных мер, – ответил коммерсант, целуя ее руку. – Победоносная война – вот лучший способ поднятия патриотического духа.

Папá нахмурился, возражая.

– Война, господин Терещенко, нужна лишь вам, крупным промышленникам. Да нашим европейским соседям, которым процветание России – кость в горле... Бог не допустит такой беды.

– *Aide toi et le ciel t'aidera*¹², – усмехнулся Терещенко. – Допускает же он существование деспотической власти в стране, где лучшие умы, такие как Толстой и Чехов, проповедуют на весь мир идеалы свободы, братства и социальной справедливости.

– Уж вы-то, деловой человек, лучше других должны понимать, как опасны ваши идеи для русского мужика. В нашем народе под внешней покорностью вечно кипит дух бунтарства, разбойного удалства. Вы сами ведь жаловались, как трудно бывает найти умелого и честного работника, зато у каждого кабака встретишь перехожих, бродяг, босяков, которым не писан никакой закон. На их-то плечах вы хотите поднять социальную революцию? Вы снова, как в пятом году, разбудите в народе страсть к разрушению всех основ, а нам снова придется останавливать эту стихию потоками крови и общим страданием!

Князь поймал взгляд жены, оглянулся и замолчал, сконфуженный. Достал платок, вытер испарину со лба.

– В Вене я говорила с эрц-герцогом, он замечательно относился к сербам, – произнесла Надежда Павловна. – Говорят, за этим убийством стоят англосаксы.

– Господам офицерам, наверное, не терпится повоевать на Балканах? – блестя глазами, произнесла Ирина. – Что вы скажете, Иван Карлович?

– Я кавалерист, а не пророк, – неожиданно серьезно ответил барон. – Знаю только, что с нынешними средствами вооружений война достигнет планетарного размаха и принесет страшные разрушения.

¹² Помогай себе, и Бог тебе поможет (фр. пословица).

– А вы читали Ричарда Бекка, «Космическое сознание»? – вмешался в разговор сосед помещик. – Автор предсказывает, что в ближайшем будущем человечество неизбежно ожидают три революции. Экономическая революция произойдет с развитием воздухоплавания и упразднением границ. Социальная революция уничтожит собственность и освободит землю сразу от двух громадных зол, от богатства и бедности. И, наконец, психическая революция откроет для всех людей мистериальное понимание законов вселенной. По сравнению с этим обычные исторические процессы покажутся прямо мелкими.

– Охота же повторять этакий вздор! – расхохотался в лицо помещику Михаил Иванович.

– Как ни спорь, а высшее провидение распорядится по-своему, – вздохнула фрейлина. – Правда ведь, Александр Дмитриевич?

– Я тоже не пророк, – пожал плечами хозяин дома. – Но тем, кто верит в приметы, могу сообщить, что двадцать первого августа сего года наступит большое солнечное затмение. Его полоса разделит надвое Скандинавский полуостров, пройдет через Ригу, Минск, Киев, восточную часть Крыма и далее – через Турцию и Персию. Полное затмение будет длиться больше двух минут.

– Ваше министерство теперь назначили и над звездами смотреть? – улыбнулась графиня.

– *Bien sûr, madam.*¹³ Мы выделяем средства Пулковской обсерватории на снаряжение астрономических экспедиций в Ригу и в Феодосию.

«Верно, он уж не придет», – с грустью подумала Верочка. Старичок чиновник намеревался и к ней обратиться с рекламой целительных пиявок, но княжна укрылась за большой цветочной вазой у окна. Оттуда виден был зал и входные двери.

Тем временем поручик Андрей Петрович Долматов вместе со своим товарищем по полку молодым подпоручиком Репниным входили в дом князя Чернышева. От Алеши Долматов знал уж всю историю семьи. Князь Александр Дмитриевич в молодости также служил в конной гвардии, участвовал в скачках, кружил головы дамскому полу, но, женившись, сделался примерным мужем и отцом, обожающим свою супругу Ольгу Андреевну и двух дочерей. Теперь он занимал высокий пост в военном министерстве, имел дом в Петербурге, лесные угодья в Орловской губернии и вот это загородное имение в тридцати верстах от Царского Села. Старшая его дочь Ирина начала выезжать этой весной, но уже считалась в свете одной из первых красавиц. С младшей Верочкой Алеша был дружен с детства и считал ее ребенком.

Долматов не рассказывал товарищу о встрече в парке с молодой княжной, хотя не раз вспоминал ее милое лицо и простодушные слова. Ее вопрос о дуэли с бароном так и не был разрешен. Фон Ливена поручик не видал с того дня. Впрочем, надеялся, что, протрезвев, адъютант сожалел о происшествии на берегу озера и предпочел о нем позабыть.

Репнин, оказалось, тоже думал о том случае. Отдавая саблю и фуражку слуге, он предположил, что барон фон Ливен наверняка тоже приглашен на именины.

– Что ж из того? – спросил Андрей.

– Поручик, вы смелый человек, ей-богу, очень смелый! – покачал головой Алеша. – Все удивляются, как вы решились помешать барону? Он дрался на дуэли пять раз! Он бесстрашный, как черт. Его обожают в полку.

– Не надо бесстрашия, чтобы стрелять в безоружного лакея.

¹³ Конечно, мадам! (*фр.*)

Репнин не ответил – их объявили. Вслед за Алешей Долматов вошел в сверкающую зеркалами большую гостиную. Князь, с которым Андрею приходилось встречаться в академии, крепко пожал его руку и представил жене.

– Вот, душенька, Андрей Петрович, сын моего полкового товарища и сам отличный офицер. Видел его в деле, на маневрах. Нынче молодые люди готовятся к войне планетарного размаха, а на лошади сидят как собака на заборе, – князь смеялся одними глазами. – А этот ничего, выправка и ловкость. И что еще важно – с вышестоящими сдержан, а с солдатами прост. Говорит разумно, по-русски, без крику и лишней фанаберии, и слушаются его, и дисциплина в роте образцовая.

Долматов поклонился княгине, отмечая про себя, что эта моложавая дама держится немного чопорно. Она оглядела Долматова весьма придирчиво, но, кажется, осталась довольна осмотром – улыбнулась лучистыми глазами.

– Мы очень рады. Алеша про вас рассказывал.

«Значит, княжна не рассказывала», – подумал Долматов, еще не зная, чувствует ли разочарование или, напротив, радость осознания их общей тайны. Он оглядел гостей, отыскивая глазами Веру. На него смотрела другая сестра, ничуть не похожая на младшую – высокая, статная, надменная красавица. Поручик встретился глазами с бароном.

Застывший взгляд серо-голубых, полуприкрытых веками глаз не обещал ничего хорошего. Долматов почувствовал, что барон изнутри кипит злостью, вызванной не его появлением, а другими, возможно случайными, причинами. Но тот явно ждал повода на ком-то сорвать свое раздражение. Долматову вспомнился восторженный голос Алеши: «Он дрался на дуэли пять раз!»

Играла музыка, но было слышно, как между нарядными дамами и кавалерами прошел общий возбужденный ропот. Гости, повернув головы, наблюдали, как фон Ливен, снимая с руки перчатку, направляется через зал прямо к только что вошедшему гвардейскому офицеру. Больше всего Долматов теперь опасался показаться смешным, сделать неловкость, которая может быть принята за трусость. Он прямо смотрел в глаза барона, ожидая чего угодно – издевательской шутки, прямого оскорбления или даже брошенной в лицо перчатки. Привычный к безнаказанной дерзости фон Ливен мог решиться на это и при хозяевах.

Голоса вокруг затихли, слышался только чеканный шаг офицерских сапог по паркету.

– Крестная, я все видела! Никто не виноват! – княжна Вера со всех ног бросилась к сидящей на диване даме.

Долматов успел подумать, как стройна и легка княжна в бальном платье, как было бы весело закружить ее по паркету в кадрили вместо этой тягостной необходимости отвечать на вызов барона и тут же, откланявшись, уходить.

– Барон, он пошутил, он не думал стрелять! – торопливо, звонко объясняла даме княжна. – И Андрей Петрович... Он же спас барона! Крестная, милая, скажи им, чтоб они тотчас помирились!

Гости переглядывались, по залу шел гул насмешливых голосов. Фраппированная выходкой дочери княгиня пробормотала:

– *Vera, tes manières m'agacent!*¹⁴ Надежда Павловна, простите великодушно...

Фрейлина возразила, повышая голос так, чтобы могли слышать и другие.

– За что же? Устами младенца глаголет истина.

И, обратившись к застывшим друг напротив друга барону и поручику, потребовала властно:

– Не знаю, о чем ваш спор, господа, но обещайте мне, что немедленно примиритесь.

Неожиданно для Долматова барон протянул ему руку.

¹⁴ Вера, что за манеры! (*фр.*)

– Графиня, я и сам намеревался... Поручик Долматов предостерег меня от самого нелепого поступка в моей жизни.

Долматов смотрел в глаза фон Ливена. Он ждал, что, сжимая его ладонь, барон прошептит: «Я пришлю к вам своих секундантов». Но, кажется, Ливен искренне ждал примирения, да и спора между ними не было. Офицеры пожали руки и разошлись, по залу прошел вздох разочарования. Княжна Вера порывисто обняла графиню.

– Спасибо, крестная!

Фрейлина улыбалась.

– Ну и давайте шампанское пить.

Проходя, Долматов слышал, как в кружке офицеров обсуждают происшедшее.

– А младшая Чернышева недурна. Каков характер, выскочила мирить двух офицеров! Будет о чем посудачить нашим кумушкам...

– Мила, но совсем дикарка. Как же хороша Ирэн! Вот кто умеет себя подать.

Долматов подошел к дивану, отдал поклон старшим дамам.

– Вера Александровна, должен вас поблагодарить за ваше милое заступничество. Поверьте, я очень его ценю.

– Верочке давали слишком много свободы. Она забыла, что здесь *la société*¹⁵, а не классная комната с гувернанткой, – строго заметила мать.

Вера не слушала. Она смотрела на Долматова таким счастливым сияющим взглядом, что он забыл и барона, и завтрашнее выступление походным лагерем, и всеобщую тревогу о приближающейся войне с Германией. Все беспокойства обыденной жизни отступили перед чувством ясной и глубокой радости.

– Боюсь, все ваши танцы расписаны, и я опоздал...

– Мой первый вальс свободен, – пробормотала она едва слышно.

Распорядитель бала вышел на середину зала и объявил начало танцев.

– Mesdames et Messieurs, le bal est ouvert!¹⁶

Дневник княжны Ирины

Проснулась рано, все в доме еще спят, а я уж пишу в дневник возле раскрытого окна, как девица из романов. Вчера отмечали мои именины с домашним балом. Были соседи, офицеры, штабные и N-ского полка, мои подруги по классу, А. и Д., которые терпеть меня не могут еще с гимназических лет, но зачем-то притворяются, что любят. На Д. было зеленое платье, точь-в-точь как обивка бильярдного стола. Напрасно ее отец слишком часто возил семью в Гомбург, где играют на рулетке.

Приехала крестная, фрейлина Зубцова. Как ей тяжело сейчас, когда всё общество, включая великих князей, так жестоко настроено против императрицы. Как приходится страдать бедняжке! Цесаревны – наши с Верой ровесницы, мы могли быть подругами, если бы Семья не жила так замкнуто, в вечной тревоге за наследника.

Папá говорит, Семья окружена льстецами и ревностными обожателями, которые все фальшивы, а за спиной царских особ плетется заговор.

Из офицеров, которые приглашены, мне нравится один капитан Михайленко. Прочие скучны и несносны. Барон фон Ливен постоянно говорит мне дерзости, словно хочет, чтобы его совсем прогнали с глаз. Был еще Алеша Репнин, наш милый кузен – он уже подпоручик, пытается растить усы, а я помню его румяным карапузом в коротких штанишках.

¹⁵ приличное общество (фр.).

¹⁶ Дамы и господа, бал начинается! (фр.)

Еще был В., который страшно ревновал к барону. Но разве между здешнею молодежью найдешь хоть одного человека, который был бы похож на Михаила Ивановича Терещенко? Я, признаться, немного боюсь его взгляда, пронзительного и полного власти. Кажется, такому человеку, если он спросит, откроешь все свои тайные мысли. Нет, я никому не открою свои!

Да, у нас новость. Верочка влюблена, и кажется, взаимно. Этот поручик Долматов недурен собой, он хорошего рода и умеет держать себя. Но сразу видно, что это очень уж правильный и безупречный молодой человек рыцарского воспитания. Невозможно как скучно! Я бы с таким кавалером не смогла говорить и полчаса. Он как Маврикий Николаевич из «Бесов» Достоевского. А я как Лиза, мне подавай Ставрогина.

В этом дневнике я стану писать не каждый день, а только когда будут из ряда вон выходящие впечатления.

Глупышка Вера уж час как спит, а я все смотрю на луну и мечтаю, сама не знаю о чем.

Июнь 1914 года

Глава 7

Долматов

Андрей Петрович Долматов рано потерял мать; отец его, гвардии полковник, погиб под Мукденом, когда молодой офицер заканчивал учение. Как по отцовской, так и по материнской линии Алтуфьевых семья его дала России немало славных воинов и государственных людей. Предки Долматова служили еще Борису Годунову, царь Петр наградил их землей в Петербурге при начале строительства города. Не имея высоких титулов, Долматовы были в родстве с княжескими семьями Нарышкиных и Гагариных. Никогда не бывали слишком богаты, но состояние свое считали достаточным, дела вели рачительно, поместья их приносили доход. После смерти старшего брата Андрею Петровичу советовали выйти в отставку, жениться и заняться хозяйством в деревне, но ему нравилась служба. Он любил лошадей, любил общество товарищей. Он был молод и полон сил и считал себя обязанным отдать эти силы на пользу отечеству.

Долматов не причислял себя к людям романтического склада, не писал стихов как Алеша Репнин, из поэтов ценил Пушкина да Лермонтова. Не расположен был к разгульному гусарскому веселью, умерен в карточной игре, и многие считали его человеком приземленным. Но сам он знал, что судьба когда-нибудь подарит ему необычайное событие, которое целиком изменит его жизнь, наполнит ее смыслом и обозначит ее предназначение. Теперь ему казалось, что событие это – любовь.

Когда он читал о любви в книгах, чувство это представлялось там или небесным, лишенным всех человеческих свойств, или же плотской страстью, на огне которой требовалось сгорать без остатка. Но его чувство к молодой княжне было совсем иным. С первой их встречи Долматову казалось, что он понимает каждое движение ее души и Вера так же видит его душу до самой глубины. Они быстро стали друзьями. Ни одному из товарищей Долматов не поверял тех вещей, какие мог рассказать этой девушке, почти ребенку. Он удивлялся, как она знает жизнь, как верны ее суждения о самых разных предметах, как она чувствует в людях малейшую неискренность и ложь.

Долматов теперь бывал у Чернышевых часто. Заметив, что прогулки в парке младшей дочери и молодого офицера сделались регулярны, Ольга Андреевна попросила его на разговор.

– Мы успели полюбить вас, Андрей Петрович, вы дружны с Алешей, князь хорошо знал вашего отца. Я вижу, вы прекрасный молодой человек и можете составить счастье любой невесты. Но, надеюсь, вы понимаете, что дочь наша – дитя. Еще в прошлом году она писала письма ей же выдуманному Белому Рыцарю. Прячала их в дупле старого дуба, как Маша в «Дубровском». Верочка росла в любви, она не знает обиды и зла.

Долматов ответил, что его чувства к Вере Александровне и намерения самые серьезные, но он понимает, что для нее их дружба может быть лишь детским увлечением. Узнать, так ли это, поможет только время, и он согласен ждать.

– Конечно, следует подождать. К тому же вы должны знать, что младших дочерей не выдают замуж прежде старших. Пока Ирина не сделала своего выбора, все должны быть терпеливы. Мы либеральные родители, Андрей Петрович, и хотим счастья нашим дочерям.

Андрей был рад этому откровенному разговору и той определенности положения, которую назначила княгиня. Теперь он мог объяснить с Верой и, услышав ее согласие, ждать сколько потребуется. В октябре Чернышевы возвращались в Петербург и встречи их с княжной уже не могли быть такими частыми и свободными, как здесь, в пышном парке, где они катались на лодке, гуляли по аллеям и пересказывали друг другу детские секреты.

Для объяснения он выбрал жаркий день в середине июля, заранее получил увольнительную у полкового командира. Он знал, что навсегда запомнит эту дату, когда лето поворачивает на осень, и его жизнь может повернуться к будущим счастливым переменам. Когда он подошел к воротам парка, Верочка ожидала его на скамейке, которую они в шутку называли «скамьей философских раздумий». Она любила полевые цветы и теперь перебирала их на коленях. Сразу обратилась к Долматову с вопросом.

– Вы умеете плести венки, Андрей Петрович?

– Нет, – признался он.

– Хорошо, я вам сама сплету. Вы думаете, мне пойдет венок? Я буду похожа на древнегреческую вакханку?

– Нисколько, – усмехнулся он.

– Почему?

Долматов хотел пояснить, что вакханки простоволосы, неблагородны. У них грубые пятки, а щеки красны от вина. И если уж сравнивать княжну с мифическими образами, из всех богинь она больше похожа на юную Диану, покровительницу луны, лесов и полей. Но рассуждения эти показались ему не слишком подходящими, и он промолчал.

Они пошли по аллее парка, Вера стала рассказывать о домашних делах. Утром на летней кухне варили малиновое варенье в медном тазу, мама сама помогала кухарке, учила Веру снимать пенку и класть в сироп смородиновый лист. А еще из деревни принесли две корзины маслят, а сын кухарки поймал ужа и пугал им горничных.

Андрей почти не разбирал слов, только смотрел в ее милое улыбающееся лицо и думал: «Вот за тем поворотом я скажу ей. Нет, лучше у моста». Но они проходили поворот, и мост, и лестницу, а он все не решался заговорить.

На солнце нашла туча, послышался сухой раскат грома, на дорожку упали первые тяжелые капли дождя. Вера и не думала прятаться, даже напротив, подставила лицо теплым каплям и закружилась со своим букетом, смеясь и дразня Долматова. Но когда ливень шквалом обрушился на кроны деревьев, поручик протянул руку княжне и они вместе побежали к стоявшему на аллее раскидистому дубу.

«Сейчас откроюсь», – подумал Долматов, глядя, как в ее светлых волосах сверкают дождевые капли.

– Вы, наверное, думаете, Андрей Петрович, что я совсем глупая барышня, что у меня на уме только игрушки и развлечения, – обнимая рукой шершавый ствол, проговорила Вера. – А я уже читала все взрослые романы! Даже Мопассана, хотя мама почему-то его прячет от нас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.